

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

О ЖИЗНИ И
СОЧИНЕНИЯХ
В. А. ОЗЕРОВА

Петр Андреевич Вяземский

О жизни и сочинениях

В. А. Озерова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24500986

Аннотация

«Давно ли музы отечества оплакивали смерть поседевшего в славе любимца своего, Державина? и ныне еще поражены они новым ударом, не менее для них чувствительным! По крайней мере, Державин совершил свое поприще и заплатил последнюю дань природе в те лета, в которые человек перенес уже важнейшую утрату — утрату всего того, что, так сказать, живого было в жизни...»

Петр Вяземский

О жизни и сочинениях

В. А. Озерова

Давно ли музы отечества оплакивали смерть поседевшего в славе любимца своего, Державина? и ныне еще поражены они новым ударом, не менее для них чувствительным! По крайней мере, Державин совершил свое поприще и заплатил последнюю дань природе в те лета, в которые человек перенес уже важнейшую утрату – утрату всего того, что, так сказать, живого было в жизни. Наследство, оставленное им потомству, плод трудов долгих и безмятежных лет, должны служить утешением в горестной потере. Судьба и люди, едва ли не в первый раз, постоянно благоприятствовали гению в лице Державина – и он, доживши до глубокой старости, простился с жизнью, как с прекрасным вечерующим днем. Зависть не дотрогивалась оскорбительною рукою до поэтических лавров его, и, по крайней мере, в глазах поэта и современников, скрывая свое негодование, казалось, изменила древней вражде ко всему тому, что ознаменовано печатью величия. Пример едва ли не единственный в летописях славы! Но, оплакивая Озерова, мы должны сетовать как о преждевременной смерти, так и о самой жизни его, игралище враждующей судьбы и людей, коих злоба бывает еще изобре-

тательнее и постоянное. Смерть положила предел дням Озерова на 47 году от рождения; но бедствия и зависть, пробужденная рукоплесканиями, уже за несколько лет перед тем поставили преграду успехам его, похитив у отечества надежды, за исполнение которых достаточными поруками были прежние труды Озерова, начавшего новую эпоху в истории трагического нашего театра. Странная и горестная истина! Участь великих мужей, коих слава бывает собственностью народа, зависит часто от малого числа людей, а иногда от одного только лица. Не оттого ли, что благодарность скудна в способах изъясняться, особенно же медленна; а зависть, напротив, богата в средствах, догадлива и никогда не дремлет? И часто первая прерывает свое преступное молчание тогда только, когда поздний голос ее тщетно уже раздаться может над прахом сердца нежного, потухшего в унынии и ожидавшего благотворного ее взывания, как новой жизнеподательницы новых сил и надежд! Напротив же, первая победа есть для последней решительный знак к действию: неумоимо преследует она от успеха к успеху доверчивого любимца славы, как жадный займодавец, заставляя его расплачиваться при каждом новом праве, приобретенном на уважение отечества, и, таким образом, гоняясь до конца за жертвою своею, падает бессильная при надгробном камне, сей священной преграде, бессмертием поставленной ее ненасытной вражде. Счастлив обреченный славою на гонение, воин ли он, гражданин ли или питомец муз, когда душа его, облеченная спасительною

твердостью и крепкая собственными своими силами, служит только тщетно целию стрел для неприязни, скользящих по ней и следов не оставляющих! Но горе тому, кто с дарованием получил от природы и душу чувствительную, вверившую свои наслаждения и горести самовластью чуждого произвола! Горькими слезами заплатит он за рукоплескания, мгновенно похищенные у ветреной толпы, сегодня ослепленной, а завтра смотрящей с убийственным равнодушием на борение любимца своего с злобою врагов. Должно еще ваметить, что успехи драматические более и продолжительнее прочих подстрекают зависть. Эпическое или лирическое творение, славимое при начале и действующее только на часть публики, теряет со временем свою гласность и наконец становится собственностью малого числа читателей. Хорошая трагедия или комедия, налагая дань на все общество, не стареет никогда. Каждое представление, возобновляя удовольствие публики, растравляет раны зависти, которая не столько враг достоинствам, сколько успехам. Вольтер, вооруживший противу себя толпу врагов, но умевший всегда с равным искусством вести как оборонительную, так и наступательную войну, жалуясь однажды на неприятности, им претерпеваемые, говорил в письме: «Если я еще напишу трагедию, то куда мне деваться?»

Озеров умалчивал о своих неудовольствиях и, одаренный сердцем, чувствительным к обидам, не умел ни презирать вражды, ни бороться с нею и наконец оставил столицу в по-

прище славы своей.

Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина, образователя прозаического языка, обращают на себя благородное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности. Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвинулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей геркулесовский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века. Просвещение, грядущее исполинскими шагами, усовершенствовавшее науки, обогатившее казну человеческих понятий, преобразовавшее самые государства, до них не коснулось. Просвещение прошло мимо их, и они его не заметили. Обремененные с излишеством старыми понятиями и не умея даже ими владеть, как беспечный наследник, который не только что не думает о новых приобретениях, но с трудом справляется и с тем, что ему досталось, они негодуют на новую жатву, собранную тайком от них трудолюбивыми и щедрыми благотворителями. Успехи разума и искусства не подвигаются для сих людей неподвижных. Оставшись на стезе просвещения, современного их младенчеству, они напоминают Эдипа, кото-

рый, будучи утомлен дорогою, садится на камень и говорит: *Мой век на камне кончу сем.* Их разум, достигший ветхости при постоянном ребячестве и представляющий картину развалин недостроенного здания, не изменяя первым урокам, удивляется, что смеют писать трагедии после Сумарокова, и, довольствуясь повествованиями Елагина, ужасается святотатства смельчака, дерзающего готовить русскую историю. — Пускай доканчивают они тяжелый сон жизни своей на вековом камне под усыпительным надзором невежества и предубеждений: мы обратимся к Озерову, который писал не для их века.

К сожалению, я не могу, говоря о заслугах Озерова, как автора, остановить на нем внимание читателей, как на человеке: я не знал его лично. Но, впрочем, если бы свидетельство друзей его и не утвердило меня в уверении о прекрасном сердце его, то я убедился бы в нем истиною и словами Карамзина, который говорит, что автору надобно иметь доброе и нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей. Не знаю также и подробностей жизни поэта, столь всегда любопытных и занимательных, когда они относятся к лицу, достойному нашего внимания. Мы любим заставлять в тишине домашней жизни человека, привлекающего взор наш на поприще большого света и, так сказать, поверять, сличать его с самим собою. У нас писателей знают только по одним их книгам, и известия о них не что иное, как послужные списки. Хорошо другу умершего писателя

обращать внимание потомства на знаки благоволения, полученные покойником от начальников, когда творения его не свидетельствуют о благоволении к нему Аполлона. Но когда можно говорить о качествах души, о домашних добродетелях человека, известного нам по одной его славе, то, умалчивая о чинах его, припомяс Княжниным, что *Рафаэль не бывал коллежским ассессором*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.